

Ключевые слова: *постмодернизм, Александр Дубовик, палимпсест, дегуманизация искусства, акцентуация, пространство, время, цвет, рисунок*

Volotko L., lecturer in cultural studies and art education Drohobych Ivan Franko State Pedagogical University (Lviv, Ukraine), E-mail: visnukDNU@i.ua

The intellectual maze of the palimpsests of Oleksandr Dubovyk

Abstract. *This article analyzes the understand of the palimpsests in the art of Alexander Dubovyk, the study of changes in artistic and aesthetic space in his work and reveal the essence of smart art and nature ornamentals in the context of painting «pure essences» and postmodernism layering and «offset».*

Self-creation of the artist - is the way to ownself. Therefore, determined by O. Dubovik the art - is accented intellectual activity (concentrated, in some way oriented) individual (and the artist, and the viewer) which occurs within a certain «range accentuation». The latter is some «multiplicity of levels» worldview: the subject - environment - emotion - structure - a symbol of where: the subject is the center, the world of self-sufficiency; Environment - transitional world in itself, which dominates the tension; emotion - energy, rhythm, spontaneity, contrast; structure - reflexive attitude when forming sign and symbol; symbol - versatility and universality. This universal symbol of creativity of Dubovyk is a square that contains a dialectical unity vertical and horizontal planes and perspectives, in which contradictions unfold space and time, content and form, color and figure.

Key words: *postmodernism, Alexander Dubovyk, palimpsest, the dehumanization of art, accentuation, space, time, color, pattern*

УДК 1 (091):340.12

Громова О. В.,

соискатель кафедры философии

Днепропетровского национального университета им. Олеся Гончара
(Днепропетровск, Украина), E-mail: olga.v.gromova@gmail.com

ЗНАЧЕНИЕ АНАЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ДЛЯ ОСОЗНАНИЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ

Аннотация. *Цель статьи – показать важность особого метаязыка аналитического дискурса для выявления и постижения феноменов в сложном многообразии их выражений и значений. Опираясь на взгляды М. Хайдеггера, Л. Витгенштейна, апеллируя к философско-аналитическим текстам, отражающим парадигму экзистенциального анализа, используя личный опыт прохождения анализа, проявить значение аналитического дискурса для осознания экзистенциальных категорий.*

Актуальность темы определена тем, что язык, выступающий в экзистенциально-аналитическом дискурсе как инструмент конструирования идентичности субъекта, проявления самости, является важнейшей средой, в которой человеческая мысль раскрывает себя и переходит в бытие.

В работе использованы методы, обусловленные спецификой экзистенциального анализа. Полученные результаты позволяют продемонстрировать, что имеются подтверждения особого влияния аналитического дискурса на реконструирование субъективной реальности и осознание экзистенциальных категорий.

Выводы: аналитический дискурс позволяет изучить проявления экзистенциалов, по-другому и глубоко понять принципы и закономерности явлений.

Ключевые слова: *язык аналитического дискурса, экзистенциальный смысл, экзистенциальный анализ*

Постановка проблемы. *Язык, в той или иной мере выступающий как предмет изучения уже на протяжении трех тысяч лет, дает нам возможность понять и сделать материальным наш опыт. Языковое самосознание – один из важнейших, а может, и самый важный фактор, формирующий самосознание человека. Мы общаемся друг с другом с помощью символической репрезентации, которую мы называем «язык». Из наших субъективных смыслов, фантазий и желаний язык*

составляет структуру нашего опыта. Используемые слова задают или искажают значения. Процесс передачи личного опыта посредством слов, символов, способность назвать то, что было спрятано и могло даже не иметь формы, меняет наше восприятие мира [6, с. 58]. Через язык человек возвращается к себе, в свою среду, гармонизирует свое состояние и взаимоотношения с окружающими.

Анализ исследований. В «Бытии и Времени» М. Хайдеггер говорит о том, что для нашей повседневной речи характерна «усредненная понятность». Это свойство речи, которое является ее естественной и неизбежной чертой, Хайдеггер определяет как своего рода подвох и видит в нем особую опасность. Поверхностное «схватывание» создает привычку довольствоваться лишь приблизительным и грубым пониманием того, что мы слышим. Поэтому повседневная речь создает лишь видимость подлинного понимания и закрывает нам доступ к глубокому постижению идей и вещей. Понимание реальности, которая стремится выступать не только как попытка доказуемости субъективно ощущаемого внешнего мира, но и как «онтологическая проблема» [1, с. 202], неизбежно деформируется повседневной речью. Хотя в повседневной речи язык используется в качестве средства для коммуникации и мышления, при этом субъект не задумывается о сути говорения. Поддавшись соблазну говорить, он начинает использовать слова, не отдавая себе отчета – подобно тому, как процесс дыхания происходит без осознания того, что мы дышим и для чего вообще нам нужен воздух. Настоящий анализ реальности «возможен только на основе подобающего доступа к реальному. Способом же схватывания реального издавна считалось созерцающее познание. Последнее «есть» как поведение души, сознания. Поскольку к реальности принадлежит черта по-себе-бытия и независимости, с вопросом о смысле реальности сцеплен другой о возможной независимости реального «от сознания» соотв. о возможной трансценденции сознания в «сферу» реального» [1, с. 203].

Хайдеггер также выдвигает тезис, что поверхностность речевого взаимодействия усилилась в современном ему обществе. Он говорит о «технизации» коммуникации, которая уравнила между собой разные по качеству и целям типы речи. Такая коммуникация приводит к тому, что «[...] язык оказывается на службе опосредования между каналами связи, по которым распространяется опредмечивание в виде единообразной доступности всего для всех, игнорирующей все границы. Так язык идет под диктатуру публичности» [2, с. 195]. Мы не замечаем того, что диктуют нам наши установки и что артикулируется в повседневном языке. «Повсюду и стремительно распространяющееся опустошение языка не только подтачивает эстетическую и нравственную ответственность во всех применениях языка. Оно коренится в разрушении человеческого существа». Если же «истина бытия становится для мысли, достойной мысли, то и осмысление существа языка неизбежно приобретает другой статус» [2, с. 195]. Язык выступает как связующее звено между внешним и внутренним миром. Преобразуя нечто в слова, субъект создает саму возможность для установления этой связи.

Целью статьи является попытка рассмотреть через практику аналитического дискурса обозначенное Хайдеггером влияние речевого взаимодействия на восприятие и осознание субъектом экзистенциальных категорий.

Изложение основного материала. Что такое в действительности язык? Почему он играет такую большую роль в постижении экзистенциальных смыслов? Язык является настолько естественной частью человеческой жизни, что довольно сложным представляется оценка его изучения. Ф. де Соссюр говорит о важности интерпретации, а именно того, какое значение придает слушающий тому, что он слышит. Это высказывание послужило началом структуралистского подхода к изучению языка. По мнению структуралистов, значение слова понимается через его взаимосвязь с другими словами, а также со всей структурой предложения. Значение создается путем понимания взаимосвязи составляющих языка.

Фактически, язык – это упорядоченная система, которая состоит из многих других упорядоченных систем.

Язык и его применение, которое сопровождается возникновением разнообразных парадоксов, выступает предметом исследования Л. Витгенштейна. Показывая взаимосвязь понятий языка, сознания, значений, он говорит о «феноменологии обыденного языка». Попытка уйти от абстрактного теоретизирования и раскрыть то, каким выступает язык в своем обыденном существовании, приводит Витгенштейна к констатации того факта, что философские суждения и обсуждаемые в философии вопросы создают трудности в понимании языка. Философия имеет дело с вероятностями, а не с фактами, а язык не объясняет, но описывает. Применение слов «не явлено нам столь ясно. В особенности, когда мы философствуем». «Весь процесс употребления слов в языке можно представить и в качестве одной из тех игр, с помощью которых дети овладевают родным языком. Я буду называть эти игры «языковыми играми» и иногда рассуждать о примитивном языке как о языковой игре. И процессы именованья камней и повторения слов за кем-либо тоже можно назвать языковыми играми. ...Я также назову языковой игрой целое, включающее язык и действия, с которыми он переплетен» [3, с. 20–21].

Концепция языковой игры Витгенштейна, когда язык выступает одновременно и как контекст, и как определенным образом исторически сложившаяся форма деятельности, дает ключ, приближает нас к пониманию того, что происходит с языком и субъектом в экзистенциальном анализе. Если считать, следуя мнению Витгенштейна, что язык и философия формируются друг другом, проистекают друг из друга, то в аналитическом дискурсе это свойство не только проступает отчетливо, но и переносится на субъекта. Субъект формирует язык, но он же и формируется языком. В этих обстоятельствах вся философия, вся внутренняя реальность субъекта выступает как «битва против зачаровывания рассудка посредством языка» [3, с. 81].

Аналитический дискурс и измененный в нем язык противопоставляется хайдеггеровской повседневной «усредненной речи». Выступая как особый способ говорения, в котором пристальное внимание уделяется тому, что говорится, как говорится и кто есть субъект говорения, дискурс в анализе выводит субъекта на первопричину. С помощью языка происходит постижение экзистенциальных смыслов, которые проявляются наиболее осязаемо и становятся особо значимыми. Особенность аналитического дискурса задается форматом встреч, происходящих с определенной целью, по определенному расписанию и по более или менее четко очерченным правилам между людьми, которые выполняют особые роли. Аналитический язык делает привычкой необходимость концентрировать внимание на опыте, на том, как субъект его воспринимает, переживает, интерпретирует. Наше понимание других людей, себя и мира становится неразрывно связанным с языком.

Исследование языка в аналитическом дискурсе дает представление о том, как развиваются взаимоотношения субъекта не только с окружающим миром, но и с самим собой. Любой опыт, приобретенный человеком, в том числе, и чувственный, любое действие субъекта – ощущение, мысль или чувство – вызывают реакцию в языке, которая удостоверяет, что субъект вовлечен в этот опыт. Овладение, можно даже сказать совладание с бессознательным с помощью языка изменяет субъекта. Он в каком-то роде теряет контакт с реальностью внешней в пользу реальности внутренней. При переходе от внутренне-субъективной реальности к вербальному выражению происходит раскол в осознании субъектом себя. Проявляется «Я», создающее ощущение инаковости, отличности от себя прежнего. Сдвиг, расщепление, которые обнаруживают себя в заявлении субъективных знаний о мире в противовес усредненным «общепринятым» знаниям, усиливаются и становятся очевидными в процессе аналитического дискурса. Так происходит

потому, что через язык передаются неожиданные и неявные внутренние репрезентации эмоциональных состояний: злость, счастье, испуг, тревога.

Постепенно становится очевидным, что знание зашифровано, заложено в самом языке, и реальность можно объяснить посредством того, как устроен и работает язык, путем достижения ясного понимания основных принципов языка. Вся структура аналитического дискурса выступает как продукт контекста, поскольку предположения строятся путем применения условных правил, интерпретаций этого контекста. Использование обобщений, ассоциаций, символического представления событий производят трансформацию, видоизменение опыта, конструируют субъективную реальность. Давая возможность описывать свою жизнь, язык вместе с этим демонстрирует субъекту невозможность полностью разделить свой жизненный опыт с Другим. Часть, высказанная словами и воспринимаемая как реальность, дополняется существенной частью, которая не может быть высказана. Мы наталкиваемся на свою беспомощность посредством языка передать Другому опыт точно в том же виде, в котором ощущаем и переживаем его сами. Если субъект не может выразить словами то, что он чувствует, Другой сделает собственный вывод и заполнит возникшую пустоту собственным пониманием того, что на самом деле происходит. Таким образом, процесс дискурса в какой-то момент создает у участников чувственную ошибку. Возникает опасность, что впечатления субъекта изменятся или что он даже перестанет доверять своим собственным ощущениям, проступает опасность навязывания иной реальности.

Язык воздействует на сознание, в нем находят развитие как предубеждения субъекта, так и история контекста. Обозначенный контекст рождает дополнительные следствия и ассоциации. Непреодолимым побуждением становится желание субъекта представить себя в определенном образе, разыграть то, что называют «театром личности на аналитической сцене». Во вновь реконструированном контексте субъект может преувеличивать или преуменьшать значимость некоторых событий, вновь и вновь проживая важные для него отношения, переписывая свою историю жизни посредством языка. Облекая чувства во внешнюю форму, представляя альтернативную историю, в которой заново разыгрывается то, что произошло с ним в реальности, субъект, по мнению Р. Джосселсон, вступает в «пространство смены авторства своей жизни», задавая ей новое развитие. Передавая в дискурсе свою жизненную историю в виде символической репрезентации, субъект невольно соединяет отдельные истории из своей жизни, которые воспринимает как «свои». Они располагаются во времени, между ними устанавливается взаимосвязь. Таким образом, нарратив позволяет человеку включать историю своей жизни в обоснование своих нынешних действий, равно как и причин, вызвавших то или иное событие. Взаимосвязь между нарративом и реальностью служит тому, чтобы освободиться от притупленного восприятия настоящего и будущего, ощущаемых субъектом только как привязка к прошлому.

Через язык аналитического дискурса субъект ощущает, насколько повседневная реальность изменчива и насыщена нарративом. Ролан Барт говорит о способности автора истории выбирать, определять и создавать последовательность и порядок в тексте. В литературном тексте присутствует ощущение структуры и порядка потому, что элементы, которые формируют историю, были «включены» туда автором. Таки в «тексте» аналитического дискурса постепенно создается структура, в которой субъект выступает автором своей жизненной истории. Пересматривая свои цели и прошлое, он изменяет направление своей реальности. Фактически язык становится инструментом, формирующим реальность субъекта. Контроль языка становится стартовой точкой для контроля реальности. Если думать так, то явить истину в языке представляется задачей особой важности. Найти слово, которое было бы адекватным истине, чтобы постичь, осознать происходящее в

собственной жизни становится потребностью.

В повседневной жизни другие люди редко являются просто зрителями нашего представления. Речь интерактивна, и участники обычно имеют возможность как говорить, так и слушать. В реальности другие играют определенные роли в конструировании нашего «Я». Фактически мы наблюдаем совместное его конструирование – как в ракурсе чувств, так и в ракурсе суждений. В аналитическом дискурсе результатом взаимодействия становится очевидность того, как на нашу речь постоянно влияет ее восприятие окружающими и то, что наши идентичности возникают не только из того, что мы делаем сами, но и из того, как окружающие позиционируют нас в том, как они говорят нам и о нас. Многими исследователями отмечается чувство субъективного «Я» и чувство вербального «Я».

Посредством дискурса создается опыт, показывающий, что пониманию мешает не загадочность мира, а та речь, тот язык, который используется для его интерпретации. В аналитическом пространстве мы явственно начинаем ощущать, что явления и вещи таковы, какими их обозначает язык. Посредством языка появляется возможность перехода в иной мир – мир символического. Осуществляется переход от приватного бессознательного к репрезентации субъективного опыта. Это создает для субъекта особый пласт значений, в котором язык выступает как трансформирующий инструмент.

Примененный таким образом язык выступает как навык, закрепленный воображением и эмоциями. Он позволяет проследить взаимосвязь между формированием символа, фантазией и речью, а также обозначить способность понимать и узнавать бессознательное. Применяя новый способ говорения, субъект переходит в иной язык, в котором, по меткому выражению Юлии Кристевой, снят «запрет на ассоциативность». Этот переход, сопровождаемый постижением экзистенциальных смыслов и озарениями, дает осознанность и иное чувство реальности. Через язык наступает самая значимая трансформация в аналитическом пространстве, проявляющаяся в том, что раньше субъект имел возможность извлекать значения из окружающего мира при помощи собственных ощущений или иных людей, теперь же он начинает сам использовать язык как трансформирующий реальность инструмент [5, с. 172]. Сформированная языком иная предположительная, предощущаемая, предсказываемая субъектом реальность последовательно и неизбежно приводит его к формированию иной объективной реальности. Реальность меняется под воздействием языка.

Язык потенциально бесконечен. И с какого-то момента в аналитическом дискурсе способ говорения и, соответственно, язык становится очень точен. Продолжая мысль Канта о том, что «сначала человек с помощью собственного разума придумывает понятия и представления, а потом создает для себя собственный мир», необходимо сказать, что человек посредством языка делает понятия и представления осязаемыми, и наталкиваясь на них в своей собственной речи, делает осязаемым свой собственный мир, свою внутреннюю реальность. Направленность на язык и максимальная концентрированность на значимых переживаниях создают переход на новый качественный уровень. Язык начинает проявлять идентичность человека, обозначает его отличия от других, именуется его границы и показывает ему зону ближайшего развития. Как ребенок «усваивает и присваивает социальный опыт, реализуемый развивающейся личностью лишь в рамках совместной деятельности со взрослым, выступая как область несозревших, но созревающих процессов» (Л. С. Выготский), так в аналитическом дискурсе посредством языка усваиваются и присваиваются опыты эмоциональные, чувственные. В анализе «завтрашний день развития» определяется через язык, осознанием анализанта и трактовками аналитика. Представленность нового, ранее недоступного, но существовавшего бессознательного наполнения субъекта, вызывает на поверхность новый язык. Субъект становится иным через столкновение

с собой иным в языке. Это фиксируется в памяти, в дальнейших поведенческих паттернах, в дальнейших контактах с миром. Воздействие такого рода не может быть условным, поскольку для субъекта все эти вновь явленные смыслы и воздействия бессознательного через язык становятся максимально реальными. Интерпретируя себя и свои роли, субъект в аналитическом пространстве создает для себя не только иные нормы построения речи, но и иные нормы восприятия реальности. Можно сказать, что каждая встреча становится речевым событием, влияющим на реальность.

Язык существует как творение, в котором человеческая мысль раскрывает себя и переходит в бытие. Глубоко постичь характер бытия возможно только жительствуя в языке. В «Письме о гуманизме» Хайдеггер говорит: «... Мысль дает бытию слово. Язык есть дом бытия. В жилище языка обитает человек. Мыслители и поэты – хранители этого жилища. Их стража – осуществление открытости бытия, насколько они дают ей слово в речи, тем сохраняя ее в языке» [2, с. 192]. Понятие языка, истины и бытия выступают у Хайдеггера как неотделимые друг от друга. Бытие, являющееся в языке «просветляюще-утаивающим» способом – это и есть истина. Или можно сказать иначе: истина выступает как бытие в его вербальной открытости людям. Отсюда следует еще один вариант хайдеггеровской трактовки, который мы находим ниже: «Язык – дом истины бытия» [2, с. 195]. Можно сказать, что язык определен Хайдеггером как подлинность бытия. Через язык человеку открывается истина бытия. Язык выступает инструментом, с помощью которого человек строит мир.

Хайдеггер говорит: «Язык есть просветляюще-утаивающее явление самого бытия» [2, с. 199]. Эти слова заставляют нас задуматься о том, что явление, которое кажется непостижимым, одновременно создает ясность. Истина предстает не абстрактно, но как смысл, возникающий в нашем сознании, как «осознание своего существования при познании мира», как смысловая весомость языка. Язык, в котором бытие является человеку, становясь доступным его сознанию, выступает всегда «просветляюще-утаивающим» способом, «в виде намека» [4, с. 45]. «Бытие, высветляясь, просит слова. Оно говорит за себя. Давая о себе знать, оно в свою очередь позволяет сказаться экзистирующей мысли, дающей ему слово. Слово тем самым вступает в просвет бытия» [2, с. 219]. Обнаруживаемый языком, «просвет бытия» становится синонимом человека и его внутреннего мира. Это описание поэтически вдохновенно и по-немецки точно передает суть того, что происходит в экзистенциальном анализе. Язык одновременно предстает и как «дом бытия», место, где оно осуществляется, и как образуемый бытием дом для человека. Посредством аналитического дискурса субъект может войти в этот дом, расположиться в нем. Может вернуться в свой забытый язык, обнаружить себя наедине с самим собой в доме языка и почувствовать собственное бытие через язык, получить способность «пребывать в просвете разверзающегося бытия» с помощью созданного собою особого языка.

Выводы и направление дальнейших исследований. Мы живем в мире приблизительного соответствия и сконструированных нашим воображением значений. В языке явление само по себе приобретает способность быть трансформированным во что-то другое, о чем можно было бы думать иначе. Благодаря тому, что аналитический дискурс обращает пристальное внимание на то, что говорится, как и кем, язык постепенно становится пространством, в котором можно задуматься над природой личного опыта, имеющего для субъекта ключевое значение.

«Попадание» нашего опыта в сферу сознательного опосредовано нашей мыслью и вновь рождающимся в аналитическом дискурсе языком. Фактически мы наблюдаем, как что-то используется для обозначения чего-то другого. Можно сказать, что в аналитическом дискурсе язык создается, а не имитируется, и мысль,

даже если она не выступает в вербальном проявлении, становится проявленной в языке в символической форме. Человек через речь возвращается к подлинным смыслам, сталкивающим его с экзистенцией. В аналитическом дискурсе человек выделяет свою речь, делает ее предметом наблюдений, сознательных усилий и помыслов, стремится ее познать, чему могут способствовать различные эмоциональные проявления, которые – в переплетении с различными эмоциональными состояниями – создают тонкую, но крепкую внутреннюю связь между личностью и ее речью. Постепенно обращение к такому неожиданно найденному средству, с помощью которого мы можем узнать себя и нас может узнать Другой, становится внутренней необходимостью. Через язык мы начинаем транслировать, коммуницировать нашу сущность, поскольку становимся способны осознанно думать о нашем опыте.

БІБЛІОГРАФІЧНІ ПОСИЛАННЯ:

1. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер / пер. В. В. Библихина. – М. : Ad marginem, 1997. – 451 с.
2. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме / М. Хайдеггер // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. – М. : Республика, 1993. – 447 с.
3. Витгенштейн Л. Философские исследования / Л. 3. Витгенштейн / пер. с нем. Л. Добросельского. – М. : АСТ, Астрель, 2011. – 347 с.
4. Хайдеггер М. Гельдерлин и сущность поэзии / М. Хайдеггер // Логос. – 1991. – Вып. 1.
5. Бинсвангер Л. Бытие-в-мире/ пер. с англ. Е. Сурпиной. / Л. Бинсвангер – М.; СПб: КСП+, Ювента, 1999. - 299 с.
6. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти. Перевод с французского под редакцией И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. - СПб.: Ювента, Наука, Gallimard, 1999. - 608с.

REFERENCES:

1. Khaydegger M. Bytie i vremya [Being and Time] / per. V. V. Bibikhina. – M. : Ad marginem, 1997. – 451 s.
2. Khaydegger M. Pis'mo o gumanizme [Letter on Humanism] // Khaydegger M. Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya. – M. : Respublika, 1993. – 447 s.
3. Vitgenshteyn L. Filosofskie issledovaniya [Philosophical Investigations] / per. s nem. L. Dobrosel'skogo. – M. : AST, Astrel', 2011. – 347 s.
4. Khaydegger M. Gel'derlin i sushchnost' poezii [Hölderlin and the essence of poetry]// Logos. – 1991. – Vyp. 1.
5. Binsvanger L. Bytie-v-mire [Being-in-the-world] / per. s angl. E. Surpinoi. – M.; SPb: KSP+, Yuventa, 1999. - 299 s.
6. Merlo-Ponti M. Fenomenologiya vospriyatiya [Phenomenology of Perception]. Perevod s frantsuzskogo pod redaktsiey I. S. Vdovinoi, S. L. Fokina. - SPb.: Yuventa, Nauka, Gallimard, 1999. - 608s.

Громова О. В., здобувачка кафедри філософії Дніпропетровського національного університету імені Олеся Гончара (Дніпропетровськ, Україна), E-mail: olga.v.gromova@gmail.com

Значення аналітичного дискурсу для усвідомлення екзистенціальних категорій

Анотація. Мета статті – показати важливість особливої метамови аналітичного дискурсу для виявлення і осягнення феноменів у складній багатоманітності їх висловлювань і значень. Спираючись на погляди М. Гайдеггера, Л. Вітгенштайна, апелюючи до філософсько-аналітичних текстів, що відповідають парадигмі екзистенційного аналізу, використовуючи особистий досвід проходження аналізу, виявити значення аналітичного дискурсу для усвідомлення екзистенційних категорій.

Актуальність теми визначається тим, що мова, котра виступає в екзистенційно-аналітичному дискурсі як інструмент конструювання ідентичності суб'єкта та виявлення самості, є найважливішим середовищем, в якому людська думка розкриває себе і переходить у буття.

У роботі використані матеріали, обумовлені специфікою екзистенційного аналізу. Отримані результати дозволяють продемонструвати, що мають місце підтвердження

особливого впливу аналітичного дискурсу на реконструювання суб'єктивної реальності і усвідомлення екзистенційних категорій.

Висновки: аналітичний дискурс дозволяє вивчити прояви екзистенціалів, інакше й глибше зрозуміти принципи і закономірності явищ.

Ключові слова: мова аналітичного дискурсу, екзистенційний сенс, екзистенційний аналіз.

Gromova O., applicant at the Department of Philosophy Oles Gonchar Dnipropetrovsk National University (Dnepropetrovsk, Ukraine), E-mail: olga.v.gromova@gmail.com

Value analytical discourse for understanding the existential terms

Abstract. *The purpose of the article: to show the importance of a particular meta-language analytical discourse to identify and comprehend complex the phenomenon in the diversity of their expressions and values. Based on the views of Heidegger, Wittgenstein, appealing to the philosophical and analytical texts, reflecting the paradigm of existential analysis, using personal experience to show of the analytical discourse for understanding the existential categories. Background is defined by the fact that the language of acting in existential-analytical discourses as a tool for constructing the subject of identity, self manifestation, is the most important medium in which the human mind reveals itself and goes into being. We used methods, due to the specifics of existential analysis. The results obtained show that there is evidence of special influence of the analytical discourse on the reconstruction of subjective reality and awareness of the existential categories.*

Conclusion: The analytical discourse allows to study the manifestations existentials, different and deeper understanding of the principles and laws of the phenomenon.

Key words: analytical discourse language, existential meaning, existential analysis.

УДК 1 (091)

Грабовська І. М.,

кандидат філософських наук, старший науковий співробітник
Центру українознавства КНУ ім. Тараса Шевченка
(Київ, Україна), E-mail: visnukDNU@i.ua

Талько Т. М.,

кандидат філософських наук, доцент
ДНУ ім. Олесея Гончара
(Дніпропетровськ, Україна), E-mail: visnukDNU@i.ua

**«РУССКАЯ ИДЕЯ»
ТА ФІЛОСОФСЬКО-РЕЛІГІЙНІ ПОШУКИ В. РОЗАНОВА
В КОНТЕКСТІ СУЧАСНОСТІ**

Анотація. *У статті аналізується сутність «русской идеи» в історико-філософській ретроспективі та в контексті сучасних українських та російських реалій. Розглядаються філософсько-релігійні пошуки одного з творців «русской идеи» В.В. Розанова, якому в 2016 році виповнюється 160 років від дня народження. Проводяться часові ідейні паралелі між творцями та «відроджувачами» «русской идеи».*

Ключові слова: «русская идея», В. Розанов, філософія, самодержавство, православ'я, народність, неолібералізм, нутінізм.

В. В. Розанов, 160 років від дня народження якого відзначає філософська спільнота у 2016 р., належить до низки найцікавіших та найоригінальніших російських мислителів Срібного віку. Твори В. Розанова, а написано ним було дуже багато, повернувшись із забуття за часів ССРСР, здобули значну популярність серед філософських та ширше – інтелектуальних кіл постсоветської Росії. Вже у 90-ті рр. починає видаватися чимало розвідок про життя та творчість цього філософа, літератора, літературного критика [1]. Перевидаються пристойними тиражами його книги [2], спогади про нього, листування з друзями та опонентами.

Філософські та літературні твори В. В. Розанова стають складником філософського